

Текст · 21 августа 2023, 16:43

Алла Константинова,

«Малыши бегут ко мне: "Путин развязал войну!"» Монолог учительницы из Перми, где директор и 10 педагогов уволились из-за визитов «ветеранов СВО»

В Перми директор и десять учителей школы № 12 с углубленным изучением немецкого языка уволились после того, как в мае этого года провоенные активисты обвинили их в саботаже уроков «Разговоры о важном» и стали навязывать руководству «патриотические» встречи с «ветеранами СВО». По решению департамента образования в языковой школе закрыли программу обмена с Германией, а на экзамены к детям стали приходить сотрудники ФСБ. «Медиазона» анонимно поговорила с одной из уволившихся учительниц — она рассказала, как педагоги и руководство школы до последнего пытались говорить детям правду о войне в Украине, но их победили «ветераны СВО».

Мы весь прошлый [учебный] год спокойно работали, а в мае один из родителей изъявил желание привести «группу ветеранов» в школу. Это те самые «Прикамские витязи»^[1]. Среди них, как нам стало известно, и ветераны чеченской войны, и как раз нынешней «спецоперации». Говорили, что там и представители «ЧВК Вагнера», но я не знаю точно.

Тот мужчина — я знаю этого родителя, он тоже ветеран чеченской войны, зрелый такой — предложил прийти к детям на уроки в начальных классах. У

него самого два ребенка: один во втором, другой в пятом классе. Предлагал несколько вариантов: и встречи со школьниками в рамках «Разговоров о важном», и отдельные классные часы. Говорил, что они хотят «рассказать о войне», почему она идет, почему «Родину нужно защищать», от кого и так далее. Говорил, что «они вернулись», «могут все рассказать и показать» и так далее. Но учитель, к которой он обратился, ему отказала.

Они пожаловались в департамент образования, и потом вместе с представителем департамента было уже второе их посещение школы. Директора в тот момент в школе не было, их встретила завуч по воспитательной работе. Их было человека три и представитель департамента. Ну и там завуч такой прессинг, конечно, выдержала, бедная. Те мужчины на нее кричали, нецензурно выражались, угрожали. Мне после об этом рассказали — и страшно стало. Я понимаю, насколько это было тяжело все выслушать, тем более представители департамента за нее даже не вступились. На следующий день завуча снова вызвали в департамент и уже разговаривали вежливо и спокойно — военных тогда не было. По словам коллег, они приняли позицию этих... ветеранов. Учебный год уже заканчивался, все готовились к последнему звонку. А «ветераны» требовали, чтобы их немедленно допустили в школу.

Тогда же педагогический коллектив встретился с администрацией школы — мы проговорили, что в следующем году нам всем в таких условиях будет сложнее работать. Директор нам еще тогда, в мае, сказала, что приняла решение уходить. Мы обсудили, что школа теперь станет такой площадкой,

на которой все подобное будет испытываться. Мы понимали, что теперь наступит то, что во многих других школах уже есть. Когда завуч, например, прогуливается по коридору, в котором двери во все классы открыты, и слушает, то ли на «Разговорах о важном» говорят детям учителя. Понимали, что нам теперь не разрешат проводить эти уроки, так скажем, в свободной форме. Нужно будет выполнять все рекомендации, все методички. А раньше я могла кусочек какой-то из этих уроков взять, а остальное время мы разговаривали, играли.

В конце мая собрался управляющий совет. Там было дано слово отцу, который инициировал этот приход военных. После него высказалась директор, родители и учителя. Практически все родители были категорически против «встреч с ветеранами», разработали план действий по защите детей и школы. Планировали, что смогут сделать, все лето ходили в департамент. Там даже заверили их, что таких уроков с участием ветеранов в школе не будет. Но те нам так и сказали: «Мы будем продолжать и будем требовать, чтобы нас пустили в школу».

Я все лето об этом думала, каждый день плакала. В один день — «я увольняюсь», а на завтра уже — «нет, я останусь и буду бороться». Когда в августе я сообщила родителям [учеников], что ухожу, плакали все вместе. Насколько я знаю, всего вместе с директором уволились 11 человек — некоторые ушли еще в мае, некоторые летом.

Понимаете, я хотела что-то изменить. Думала, что буду все равно работать, что все равно детям буду рассказывать правду. Но, почитав законы, которые

принимаются у нас в стране, послушав разные передачи, побеседовав с людьми, я решила, что изменить уже ничего я, к сожалению, не смогу. Пропагандистом я быть не смогу. И не хочу. И в середине августа забрала документы.

В школе есть педагоги, которые за [войну]. У нас есть разные учителя. Сейчас уже не могу сказать, в меньшинстве они или нет — вместо нас пришли новые, ни один класс не останется без педагога. Кадрового голода, в общем, нет.

Нового директора^[2] в школе еще нет, она придет в сентябре. Я ее лично не знаю, но мне рассказали, что она противоположной нашей точки зрения. Наверняка эти «встречи с ветеранами» введут [в школьный план]. Там остались те, кто сможет это делать.

Наша школа — с углубленным изучением немецкого языка. В девятом и одиннадцатом классах ребята сдавали *Deutsches Sprachdiplom* и имели право уже без других языковых экзаменов поступать в немецкие колледжи, продолжать там учиться. Каждый год по человек 12 уезжали в Германию. Но сейчас этой программы сотрудничества с немецким Гете-институтом у нашей школы уже не будет. Знаю от коллег, что нашего директора приглашали в департамент, но она отказалась подписывать бумагу о том, что международное сотрудничество расторгается «по инициативе школы». И бумагу подписали уже сами сотрудники департамента.

В этом году одиннадцатиклассники тоже успели сдать на шпрахдиплом, на экзамен приезжал

представитель центрального управления школ Германии. Но на экзамене был и представитель ФСБ.

Уволившаяся директор Елена Ракинцева в интервью **Deutsche Welle** говорила, что сотрудники ФСБ заранее предупредили ее о своем визите в школу. «Я им объяснила, что координаторы Центрального управления по делам школьного образования при консульстве Германии в Екатеринбурге уже 20 лет приезжают к нам, чтобы председательствовать на устных языковых экзаменах», — вспоминала она свои попытки их переубедить, но сотрудники ведомства все равно пришли.

Мне ученики рассказывали, что он присутствовал на защите у одной из девочек. Не зная языка, требовал, чтобы учитель переводила ему, что говорит представитель Германии. А на следующий день они все вместе уезжали в Кунгурскую пещеру — когда к нам приезжают немецкие учителя, их всегда возят на экскурсии. Так вот, этот сотрудник ФСБ не только настоял, что должен присутствовать на этой экскурсии, но и требовал, чтобы его посадили в автомобиль именно к немецкому учителю. Говорил, что всегда должен видеть его. Да, поездка состоялась, но посадили его все равно в другую машину. Немец потом уехал, но было очень тревожно. Все были в состоянии стресса — и учителя, и дети.

Все полтора года я честно отвечала на вопросы детей. Представьте себе, два малыша бегут ко мне, и один из них, со слезами на глазах, кричит: «Он говорит, что Путин развязал войну!». И второй мне: «Да, это так!». Или когда ученик пишет: «Военная техника движется

в Украину»... А один бежит ко мне: «Вот, наши должны защищать...». Я его спрашиваю: «А кто на нас напал?». Показываю на карте ему, где Россия, а где Украина — и это не наша территория. И так каждый день, на каждом уроке возникают вопросы, при этом они пытливо смотрят тебе в глаза. Потому что, во-первых, дома это обсуждается, а во-вторых, в первые месяцы дети и сами напуганы были. Нельзя сказать, что они отстранены. Рассказывали, как один мальчишечка сел в машину к родителям и спрашивает: «А мы точно будем живы? А нас не захватят?». Представляете, какой стресс пережили эти малыши?

Когда все началось, этот февраль... Мне говорили: «Что-то у вас потухли глаза». Не дети это говорили, бабушка одна. Будут тут гореть глаза! У меня было очень подавленное состояние. Но я говорила [с детьми] откровенно, четко. Мне однажды сказали: «На тебя донесут». Но бог миловал, не донесли.

Я до сих пор не знаю, правильно мы сделали или неправильно, что взяли и ушли. Я очень люблю свою работу. И еще могу многое. Но при этом я понимаю, что дальше гайки будут только круче закручиваться.

Редактор: Дмитрий Трещанин

-
1. Анонимный провоенный телеграм-канал, после поста которого в мае 2023 года школа № 12 оказалась в центре скандала.
 2. Новым директором школы станет Алевтина Снегирева, до 2022 года она руководила пермской школой № 145, а последние два года — одной из городских частных школ.